

Доктор Джеймс С. Шпигель, Христианская этика,

Сессия 6,

Этика добродетели

© 2024 Джим Шпигель и Тед Хильдебрандт

Это доктор Джеймс С. Шпигель в своем учении о христианской этике. Это сессия 6 по этике добродетели.

Итак, следующая важная моральная теория, которую мы собираемся рассмотреть здесь в нашем обзоре моральных теорий, — это этика добродетели.

До сих пор мы рассматривали некоторые моральные теории, которые подчеркивают роль моральных принципов в руководстве нами в моральном плане, такие как утилитаризм и его принцип полезности. В кантовской этике центральным принципом является категорический императив, и мы видим в теории общественного договора, что там определены различные принципы и основные права. Все эти современные моральные традиции объединяет идея о том, что в конечном итоге для руководства нами в плане этики нам нужны определенные основные принципы.

Это и есть фокус этического исследования. Этика Добродетели — это отход от этого подхода, но это не просто недавнее движение, хотя Этика Добродетели, безусловно, набирает силу. Это своего рода ренессанс Этики Добродетели в последнем поколении.

На самом деле это самая древняя из всех моральных традиций, восходящая к древним грекам, Сократу, Платону и Аристотелю. Однако отличительный подход этики добродетели заключается в том, что она фокусируется на чертах характера, а не на моральных принципах. В этике добродетели мы не заинтересованы в поиске какого-то высшего правила, которое бы направляло нас в том, как нам следует действовать, но, скорее, в этике добродетели внимание уделяется превосходным чертам характера, различным чертам идеального морального образца, человека, который демонстрирует всевозможные особые совершенства в своем характере.

Поэтому они сказали бы, что этика добродетели должна быть сосредоточена на людях, а не на принципах. И вот в этом и заключается ошибочность современной моральной теории, которая уделяет внимание принципам, а не личным чертам характера. Лучшим представителем этики добродетели в древнем мире является Аристотель.

Итак, Сократ и Платон, которые были интеллектуальными дедушкой и отцом Аристотеля, соответственно, безусловно, были этиками добродетели, и они много сделали для обучения и толкования добродетелей. Но Аристотель систематизировал этику добродетели в своей эпохальной книге «Никомахова этика». Он действительно установил повестку дня для этики добродетели на все времена в истории западной мысли.

Итак, главный вопрос, который ставит Аристотель, заключается в следующем: что является главным благом или телосом для людей? Телос — это греческий термин, означающий цель, предназначение, цель, стремление или функцию. Он хочет знать, каким должен быть наш конечный телос, наше конечное благо, наша конечная цель. И его ответ — счастье, не в смысле теплых и неясных чувств, а в смысле конечного благополучия.

Греческий термин *eudaimonia* — это гораздо более обширное понятие счастья, чем мы обычно связываем с этим термином. Но высшее благополучие — это наше всеобъемлющее благо, и что именно это такое, что значит испытывать или достигать *eudaimonia* для человека, будет определяться или определяться тем, какова наша особая уникальная функция. Какова наша особая функция как людей в отличие от, знаете ли, функции шимпанзе, дельфина или собаки? У людей должна быть какая-то особая, уникальная функция, которая отличает нас от того, кем и чем мы являемся как люди.

Аристотель, как и другие древние греки, считал, что то, что отличает нас как людей, — это наша способность к разуму. Мы — разумные существа. У нас есть способность к логическому, рациональному мышлению, и это то, что отличает нас от животных, и именно в связи с этим мы должны понимать наше высшее благо.

Итак, вот почему Аристотель приходит к выводу, что наша лучшая жизнь, счастливая жизнь для людей — это жизнь созерцания, и под этим он не подразумевает простое сидение сложа руки, воображение, размышление и медитацию. Нет, это может подразумевать время от времени, но созерцательная жизнь, жизнь разума, также очень активна. Мы должны активно участвовать в применении разума и осторожного, критического мышления ко всему, что мы делаем, творчески продуктивно, к тому, как мы строим вещи, как мы организуем общество, как мы практикуем медицину, как мы учим, как мы ведем бизнес, все это должно быть сделано максимально рациональным, созерцательным образом.

Это созерцательная жизнь. Это эвдемония. Если мы делаем это хорошо, то это жизнь человеческого благополучия или процветания.

Чтобы как-то более ясно это изложить, по сравнению с другими жизненными выборами и другими способами жизни, Аристотель различает три вида жизни и отмечает превосходство созерцательной жизни. На самом деле, Платон делает то же самое в своем «Государстве». Это одна из тех областей, в которых Платон и Аристотель полностью согласны.

Они отличаются друг от друга; они не согласны во многих вещах, но они согласны, что нам доступны три основных типа жизни. Один из них — жизнь наслаждения, где человек ищет в первую очередь удовольствия, особенно в форме денег, обретения богатства, потому что за деньги можно купить все виды удовольствий, поэтому человек, который предан жизни наслаждения, всегда будет одержим деньгами и будет отдавать им приоритет. Как мне получить больше денег? Так я смогу купить больше удовольствий.

Это жизнь наслаждения, и многие люди стремятся к этому и живут в соответствии с этим. Проблема такой жизни в том, что деньги — это всего лишь средство. Они не являются целью сами по себе.

Неважно, сколько денег вы получаете, вы не наслаждаетесь деньгами ради них самих. Они нужны только из-за того, что они могут вам дать. Аристотель говорит, что это признак того, что это на самом деле не является высшим благом для людей.

Каким бы ни было наше конечное благо, оно не может быть просто средством для других вещей. И на самом деле, то, что это должно побудить вас, — это поиск того, чего я хочу, чтобы все эти деньги достигли для меня. Должно быть что-то более высокое, что-то лучшее, что-то более постоянное, более благородное, чем просто все эти доллары. Таким образом, жизнь государственного деятеля — это альтернативный вид жизни, к которому стремятся многие другие люди, и цель — честь и репутация.

Многие люди очень амбициозны, чтобы стать знаменитыми или стать почитаемыми и оцененными, известными в своем обществе, и во времена Аристотеля, и я полагаю, что в какой-то степени и в наши дни, честь быть политическим лидером была чем-то привлекательным для многих людей. Другие люди ищут карьеру в сфере развлечений. Они хотят быть известным певцом, известным спортсменом.

Итак, существует множество различных форм, которые может принять стремление к чести и репутации, но, опять же, во времена Платона и Аристотеля это было действительно воплощено в жизни государственного деятеля. Но какую бы форму это ни принимало, мы можем видеть, что жизнь государственного деятеля, жизнь человека, который добивается чести и репутации, также имеет изъяны, потому что она слишком поверхностна. Если

ваше благо, к которому вы стремитесь, зависит от мнения других о вас, его можно потерять слишком легко.

Это поверхностно. Это слишком зависит от прихотей других людей. И если они решат, что вы им больше не интересны, что они больше не хотят покупать ваши альбомы, что они больше не хотят видеть, как вы играете, что они больше не хотят, чтобы вы были в офисе, они могут вас убрать.

Каким бы ни было человеческое благо, оно не может так зависеть от прихотей и предпочтений других людей. Итак, оба эти вида жизни терпят неудачу в плане того, чтобы быть тем видом жизни, который идеализируется. Это не может быть высшим благом для людей, если это просто средство или если это так поверхностно.

Итак, то, что остается, это созерцательная жизнь, где человек ищет мудрость, знание и понимание. Это цель созерцательной жизни: обрести мудрость и знание. Обратите внимание, что эта конкретная цель — не просто средство. Она хороша сама по себе.

Знание ценно само по себе. Мудрость ценна сама по себе. Она также очень практична, не так ли? Со знанием мы можем строить здания и самолеты, придумывать лекарства, которые лечат болезни, и мы можем шить одежду и заниматься искусством.

Мы можем так много сделать со знаниями, которые получаем. Но они также ценны и драгоценны сами по себе. Так что это показывает, что это не просто средство для достижения цели.

И это не просто поверхностно. Это не может быть отнято у нас так же легко, как честь и репутация. Когда у вас есть настоящая мудрость и знания, это ваше.

С тобой безопасно. Может быть, поэтому в пословице Притч 4:7 говорится, что все, что бы ты ни делал, сколько бы тебе это ни стоило, приобретай мудрость и разум. Это должно цениться превыше всего.

Обретите мудрость и понимание. Мы находим эту заповедь не только в Притчах, но и в других местах Писания — стремление к мудрости.

Это цель праведника. Так что Аристотель и Платон здесь на том, что на самом деле очень библейское. Добро — это мудрость и понимание.

Итак, вот общий подход Аристотеля к этике добродетели. На самом деле, его конечная цель, когда дело касается теории ценностей, — это политика и

политическая философия. Он рассматривал эту книгу, «Никомахову этику», как своего рода предтечу политики.

Или государственное управление. Политика понимается в лучшем смысле. Я имею в виду, что в наши дни это может быть ругательным словом.

Не говори о политике за ужином в День благодарения. Не заводи дядю. Он говорит о политике как о государственном управлении и о благе, которое заключается в построении справедливого гражданского общества.

Это то, чего мы все хотим. Даже если мы уже устали от политических дебатов, разве мы все не хотим справедливого гражданского общества? Да. Но чтобы достичь точки, в которой мы можем это сделать, нам нужно ясно и тщательно подумать об этике и о том, как нам следует жить как личностям.

Какими чертами характера должны обладать мы как отдельные граждане? Невозможно иметь справедливое гражданское общество без хотя бы в основном порядочных граждан, которые живут хотя бы с долей добродетели в своей жизни. Концепция телоса, как я уже упоминал, очень важна для Аристотеля.

И он, опять же, как Платон и Сократ, считал, что это должно быть отправной точкой для нашего исследования в основном всего, что мы изучаем. Мы задаем вопрос, какова цель, функция или назначение вещи? И это особенно верно здесь. Что такое человеческое, особое человеческое благо? И концепция добродетели действительно зависит от этого.

Когда кто-то или что-то выполняет свою функцию, или цель, или задачу, мы говорим, что это добродетельная вещь или добродетельный человек. Если у вас есть компьютер, который выполняет свою функцию, это превосходный компьютер, можно сказать, добродетельный компьютер. И это касается также и людей.

И мы не просто добродетельны в целом. Мы демонстрируем определенные совершенства, надеюсь, в зависимости от наших жизненных обстоятельств. В зависимости от вашего конкретного контекста, в котором вы находитесь как учитель, как медсестра, как пекарь, как изготовитель подсвечников.

Правильно? Если вы работаете на стройке, или вы парикмахер, или вы врач, юрист, вы занимаете определенную профессиональную роль. И это определит, что считается, знаете ли, добродетельным, знаете ли, заполните пробел, юрист, врач, учитель, что угодно. Но мы также занимаем разные роли с точки зрения наших отношений.

Я дядя, брат, сын, отец и муж. У меня есть различные значимые роли в отношениях. И я оказываюсь в определенных жизненных обстоятельствах, где я призван действовать определенным образом, который мы могли бы назвать добрым, или щедрым, или смелым.

Или просто. Итак, у вас есть все эти жизненные обстоятельства, контексты, роли и отношения, которые повлияют на то, что считается добродетельным человеком. Или добродетельным человеком, который действует добродетельно в этих контекстах.

Итак, наши добродетели, человеческие добродетели, определяются тем, что значит правильно функционировать в конкретных жизненных контекстах. Есть два основных вида добродетелей или две основные категории добродетелей. Одна из них интеллектуальная, а другая моральная.

Интеллектуальные добродетели развиваются посредством обучения, изучения, выполнения классных заданий, прослушивания лекций и интенсивного чтения. Вы можете развить всевозможные интеллектуальные добродетели, просто делая это, на самом деле не делая ничего другого. Вы можете освоить определенную тему посредством изучения и обучения.

Но моральные добродетели не такие. Вы не можете развить моральную добродетель, просто читая книги, даже если это действительно вдохновляющие книги о великих моральных образцах. Неважно, сколько книг я прочитал о Матери Терезе, Афанасии, Нельсоне Манделе и Мартине Лютере Кинге, верно? Назовите человека, у которого есть достойные восхищения или добродетельные черты характера.

Недостаточно просто читать об их жизни. Изучать их личные биографии. Есть определенные вещи, которые нужно делать, чтобы развить в себе подобные добродетели.

Итак, моральная добродетель приходит через обучение, намеренную практику и развитие хороших привычек. Это очень похоже на обучение искусству, музыке или легкой атлетике. Как стать хорошим баскетболистом? Просто читая книги о Ларри Берде и Мэджике Джонсоне? И Леброне Джеймсе и Джеймсе Хардене, великих баскетболистах? Этого будет достаточно? Нет, нужно практиковаться.

Вам нужно выйти с мячом и делать упражнения, пасовые упражнения, упражнения на штрафные броски и броски. Делайте все, что вам нужно делать, чтобы на практике развить эти баскетбольные навыки. Конечно, читать полезно, не так ли? Вы можете узнать о том, что разные игроки делали в своей карьере, чтобы улучшить свои навыки.

Но главное, что вам нужно делать, это практиковать добродетели таким же образом. Как вы собираетесь стать лучшим пианистом? Учеба, конечно, помогает, но вам нужно играть гаммы снова и снова, снова и снова и снова. Итак, Аристотель указывает, что для того, чтобы стать более смелым человеком, более справедливым человеком, более щедрым человеком, вам нужно демонстрировать эти особые добродетельные формы поведения на практике.

Вам нужно развивать хорошие моральные привычки, многократно совершая добродетельные поступки. Поэтому особое внимание уделяется привыканию. Нам нужно приучать себя, скажем, к щедрым привычкам, совершая щедрые поступки.

Мы с женой в самом начале нашего брака заметили, что никто из нас не был таким щедрым, каким нам хотелось бы быть. И не то чтобы мы были особенно скупыми или жадными, но мы просто чувствовали, что нам нужно развивать эту добродетель. И поэтому мы взяли за правило, знаете ли, мы сделали это своего рода стандартной практикой, что мы будем давать щедрые чаевые, когда официант был по крайней мере порядочным.

Особенно если они видели, как мы молимся перед едой, ну, это как-то по-другому надо исправлять. Это плохая привычка, многие религиозные люди, знаете ли, не дают чаевых. Если нас видели молящимися за едой, это как бы ограничивало нас как минимум 15% чаевых.

Но если бы, в дополнение к этому, обслуживание было хотя бы приличным, если не хорошим, мы бы хотели оставить чаевые гораздо больше. И это просто своего рода практика и развитие этой привычки щедрости. Так вот, это то, о чем говорит Аристотель.

Знаете, вы намеренно практикуете добродетель, и в конечном итоге она затвердевает в определенный тип черты характера. Вы делаете это годами, годами и годами, и в конечном итоге вы становитесь тем человеком, который щедр. Это становится частью вашего характера.

И так же, это касается и всех других добродетелей. Действуя по-доброму, привычно, в конце концов, люди скажут: о, это добрый человек. Действуя мужественно в различных контекстах неоднократно, в конце концов, вы становитесь мужественным человеком.

Итак, добродетели приходят через обучение. Еще Аристотель отмечает, что добродетель, по крайней мере, моральные добродетели, утверждал он, являются средними точками между порочными крайностями. Большинство моральных добродетелей являются средним между двумя пороками.

Итак, рассмотрим эту таблицу добродетелей, которые входят в число 15 или около того, которые Аристотель исследует довольно глубоко в своей «Никомаховой этике». Итак, у вас есть определенный контекст, например, опасность, вы находитесь в опасной ситуации, и есть некое добро, которое нужно сделать, что потребует от вас сделать что-то. Это потребует от вас подвергнуть себя определенному количеству опасности.

Вы можете ошибиться в сторону недостатка или в сторону избытка. На стороне недостатка порок — трусость. Вы можете быть трусом и просто избегать опасности вообще.

Или, если говорить о крайностях, вы можете быть безрассудным. В военном контексте есть много ситуаций, где поставленная задача потребует мужества. Вы будете подвергаться опасности, возможно, смерти.

Трус говорит, что я этого не сделаю. Ну, твой командир сказал тебе. Я не хочу. Я боюсь.

Это трус. Безрассудный человек говорит: «Пошли, я готов». Ну, нам нужно все тщательно спланировать.

Есть важные тактические вещи. Мне все равно. Давайте просто пойдём. Давайте нырнем.

Это безрассудно. Храбрый человек знает, хорошо, мы будем тренироваться для этого; это опасно, но мы сделаем это правильно. И мы будем играть так безопасно, как только сможем, что соответствует выполнению миссии.

Вот это и есть мужество. Это середина между крайностями, порочными крайностями трусости и безрассудства. В контексте удовольствия вы не хотите быть бесчувственным и избегать всякого удовольствия.

Но вы также не хотите быть расточительным, тем, кто постоянно предается удовольствиям. Умеренность — это середина между этими крайностями. Когда дело касается имущества, вы не хотите быть скупым.

Но вы также не хотите быть и щедрым дарителем, как Жан Поль Сартр, который просто не имел понятия о деньгах. И вы идёте в кафе, выпиваете несколько чашек кофе, а затем просто оставляете огромную пачку купюр на столике в кафе. И я уверен, что его официант был рад это видеть, но, знаете ли, это не было хорошо для его личных финансов.

Это было хорошо для него; он написал много книг, которые продавались довольно хорошо. Большинство людей, когда они борются здесь с щедростью,

это на стороне скупости, так же как большинство людей борются, когда дело доходит до храбрости, на стороне трусости.

Мы склонны играть наверняка, и из-за этого, знаете ли, мы будем ошибаться в определенном направлении. Но я думаю, некоторые люди безрассудны. Ну, я знаю, что некоторые люди.

Иногда есть такие великие альпинисты, скалолазы, которые падают и разбиваются насмерть, потому что они, знаете ли, не приняли должных мер предосторожности. Многие люди погибли, будучи безрассудными. И я полагаю, что некоторые люди, знаете ли, поставили себя в ужасные ситуации, будучи непомерными в своей жертвенности.

Мы хотим достичь здесь добродетельной середины. Общественное мнение, мы не хотим быть мелочными, но мы не хотим быть тщеславными. Есть определенная здоровая гордость, к которой мы должны стремиться.

Развлечение, ты не хочешь быть грубым. Ты не хочешь быть шутом. Это пороки, которые если не опасны, то, по крайней мере, раздражают.

Вы когда-нибудь были рядом с кем-то, и все, что они делают, это шутят? Они никогда не бывают серьезными. Это шут. Но ведь грубые люди, вы знаете, они скучны, и они раздражают по-своему.

Остроумный человек знает, как создать легкомыслие и придать остроты разговору и отношениям, знаете, какими-то юмористическими замечаниями, шутками, остроумными наблюдениями. Это середина, добродетельная середина, к которой мы должны стремиться. И затем, наконец, когда дело доходит до чувств, вы не хотите быть застенчивыми, но вы также не хотите быть бесстыдными.

Вы хотите продемонстрировать определенную скромность. И, кстати, в такой бесстыдной культуре, как наша, во многих отношениях скромное многим людям покажется застенчивым. Так что еще одна тема, о которой мы могли бы поговорить, это то, как определенные излишества и недостатки в рамках определенной культуры могут заставить определенные добродетели выглядеть как пороки.

И я думаю, что во многих отношениях в нашей культуре сегодня многие христианские добродетели кажутся многим людям пороками, потому что наша культура порочна во многих отношениях. В любом случае, это всего лишь небольшой кусочек таблицы добродетелей Аристотеля и того, как он анализирует их как добродетельные средства между порочными крайностями.

Другим важным измерением развития моральной добродетели являются моральные образцы.

Хотя для развития добродетели недостаточно просто читать о добродетельных людях, это помогает. Но что еще полезнее, так это жить в присутствии добродетельного человека, который является образцом определенных добродетелей. Мы можем думать о всевозможных примерах добродетельных людей из истории, но подумайте о людях в вашей собственной жизни.

Может быть, кто-то, кто был вашим наставником или, по крайней мере, жил в вашем присутствии таким образом, чтобы подчеркнуть или продемонстрировать вам определенные добродетели, которые очень вдохновляют. И вы говорите: «Ого, я хочу быть похожим на этого человека». Я хочу продемонстрировать эту характеристику, как это делают они.

Это чрезвычайно полезно в нашей нравственной жизни, поскольку мы сами развиваем добродетели. Добродетели также необходимо понимать в контексте личных историй и людей в сообществах. Это важная тема в этике добродетели.

Более современный этик добродетели, Алистер Макинтайр, был фактически в авангарде возрождения или ренессанса этики добродетели после публикации его книги *After Virtue* в 1981 году. Он уделяет большое внимание повествованию и сообществам, местным сообществам и истории. И это другой угол зрения на этику добродетели, который, я думаю, очень важен.

Как наши конкретные роли в сообществах, в которых мы находимся, подобны персонажам в истории. Наше понимание себя, а также других людей, во многом оформлено или может быть оформлено в терминах той роли, которую мы играем в определенном повествовании. Функция, которую мы стремимся выполнить в этой истории.

Это история моей жизни или история меня в этом сообществе или учреждении, которое пытается достичь определенных вещей. Это может помочь нам понять, сгустить и немного лучше раскрыть те виды добродетелей, которые мы стремимся продемонстрировать в своей жизни. Хорошо, такова этика добродетели.

Надеюсь, очевидно, что здесь много понимания и вдохновения для нравственной жизни и стремления к добру как христиан в наших общинах и в нашем обществе. Эта моральная мотивация, которую обеспечивает этика добродетели, является одной из самых сильных сторон этики добродетели. В частности, с христианской точки зрения, эта идея обучения добродетели — это то, что, даже если мы читаем Новый Завет, мы читаем Священные Писания в целом; даже несмотря на то, что акцент делается на активном обучении добродетели, это легко упустить.

Но Павел говорит об этом в нескольких местах. В 1 Коринфянам 9 он говорит об этом, стихи 24-27. Павел отмечает, что люди, которые тренируются для Олимпийских игр, делают это с большой дисциплиной и энергией.

Они тренируются ради короны, которая не будет длиться, говорит он. Но мы, как христиане, тренируемся ради чего-то, что имеет вечные последствия. Так насколько же более преданными мы должны быть в обучении благочестию? Он говорит нечто подобное в 1 Тимофею 4:7 и 8 там, что мы должны тренироваться, чтобы быть благочестивыми.

И это значит, что мы должны практиковать то, что мы называем духовными дисциплинами. Как вы тренируетесь для благочестия? Ну, вы молитесь дисциплинированно. Вы читаете писание, надеюсь, дисциплинированно.

Вы поститесь. Вы медитируете. Вы поклоняетесь.

Вы практикуете уединение время от времени, исповедь и покорность. У вас есть все эти духовные дисциплины, которые мы имеем в своем распоряжении, чтобы тренироваться быть благочестивыми. Некоторые из них направлены на приближение к Богу, как поклонение и молитва.

Другие сосредоточены на самоотречении, как уединение и пост. Некоторые сосредоточены на создании нашей базы знаний, изучении и медитации. Но все духовные дисциплины предназначены для развития определенных черт характера в нас, для роста нас в святости и для приведения нас к более тесному сотрудничеству с работой духа.

Вы на самом деле не получите такого рода идею от Канта или Милля, Бентама или теоретиков общественного договора, которые не особо фокусируются на этом. Но в этике добродетели, особенно у Аристотеля, но и у других, есть акцент на моральном формировании через привыкание и дисциплину. Это главная тема здесь.

И это то, что мы, как христиане, должны подтвердить. Нет никаких доказательств того, что Аристотель когда-либо читал какие-либо книги Ветхого Завета. А он жил примерно за четыре столетия до Нового Завета.

Итак, он приходит к этому просто, знаете ли, философски. Он видит пользу от обучения в добродетели. И в некотором смысле это полностью соответствует тому, о чем говорит апостол Павел в своих посланиях.

Существуют также определенные сомнения относительно идеала беспристрастности, который поддерживают такие философы, как Кант, Бентам и

Милль. Что мы всегда должны быть полностью беспристрастны при принятии моральных решений. Этика добродетели Аристотеля, со всем акцентом на взаимоотношениях и вашем месте в обществе, где вы устроены уникальным образом и на ваших особых заботах о членах семьи и друзьях и так далее.

Он реалист в этом вопросе. Он бы сказал, что проявлять предвзятость — это нормально. Для утилитаристов — не очень.

То же самое с Кантом. Представьте себе такую ситуацию. Вы в каноэ с двумя людьми.

Онколог, которая знает лекарство от рака, но никому не сказала. Она провела это исследование самостоятельно. Она выяснила, как можно вылечить рак.

В честь этого она решает отправиться в это путешествие на каноэ с тобой. И с твоей мамой. В каноэ ты, онколог, который знает лекарство от рака, и твоя мама.

Вы плывете по реке Арканзас. Вы отлично проводите время. В ходе разговора вы узнаете, что этот онколог на самом деле не умеет плавать.

Это немного тревожит. Затем вы осознаете, что ваша мать тоже не умеет плавать. Вы, вероятно, знаете, к чему это сейчас идет.

Пока вы спускаетесь по реке, звук падающей воды становится все громче и громче. Затем вас всех одновременно осеняет. Мы направляемся к водопаду.

И тут вы вспоминаете, ах да, на реке Арканзас есть действительно крутой обрыв. Около 50 футов. О, чувак, мы тонем.

Мы утонем, в буквальном смысле. Что мне делать? Ну, ты слишком близко к водопаду в этот момент, чтобы выбраться и спасти и свою мать, и онколога. Но ты должен спасти хотя бы одного из них.

Ты хороший пловец. Но ты не сверхчеловек. Ты можешь спасти только одного.

Кого вы спасете? Вы спасете маму? Вы любите маму, но она не знает лекарства от рака. Она ведь уже в годах. Или вы спасете онколога, который знает лекарство от рака и потенциально может спасти миллионы жизней? Что вы сделаете? Ответ для утилитариста ясен.

Ты должна спасти онколога. Извини, мама. Люблю тебя, но.

И то же самое с кантианцами, наверное. По крайней мере, в кантовской этике не ясно, что спасти маму — это нормально. Можно ли это универсализировать? Может быть.

Может и нет. Для Аристотеля это предельно ясно. Кого ты спасаешь? Свою маму.

Почему? Потому что она твоя мама. Она твоя мама. У нее к тебе особые отношения.

И, знаете, вполне уместно действовать по этой склонности. Это то, что Кант, кстати, опять же, ругал и избегал, действуя согласно этой склонности, чтобы спасти маму. Аристотель говорит, что это совершенно нормально.

Спасите свою мать. Так что, я думаю, это лучше всего соответствует нашим интуициям. Спасать свою мать — это нормально.

По крайней мере, нормально спасти ее, а не онколога. Что-то, что, знаете ли, некоторые из этих других моральных теорий не могут объяснить. Нормально быть предвзятым, другими словами.

Этот так называемый идеал беспристрастности. Может быть, это идеал в определенных контекстах, но не в других. Так что это сила этики добродетели.

Но есть и проблемы. Одна из главных проблем этики добродетели в том, что она не учитывает правильные действия. Или долг.

В этой теории нет реального места для долга. Она хорошо справляется с тем, чтобы рассказать нам, какие черты характера являются идеальными, но у нас нет основы для долга и обязательств. Это полностью упущено этикой добродетели.

Это правильное действие, которое вы должны выполнить, и почему вы должны сделать это в определенной ситуации. И затем у вас есть еще одна проблема, проблема морального конфликта, которая возникает, когда мы рассматриваем, какая из этих двух добродетелей, как нам кажется, указывает в разных направлениях, которые мы должны демонстрировать. Иногда моя жена спрашивает меня, как я выгляжу? В большинстве случаев, к счастью, ответ очень легкий и простой.

Я могу быть правдивой и честной и сказать: «Дорогая, ты выглядишь великолепно». Но, может быть, у нее неудачная прическа. Или, может быть, я не в восторге от этого конкретного наряда или ансамбля.

Ну, я хочу быть добрым. Может быть, я могу сказать, что она не в настроении делать критические замечания, типа, не знаю, эта юбка делает тебя немного неряшливой. Так что я хочу быть добрым, но я также хочу быть честным.

Из Аристотелевского совета не ясно, какой ответ лучше всего подходит для Добродетели этики. Недавно вышла реклама страховой компании, где Авраам Линкольн с женой Мэри Тодд, и она сделана так, что кажется, будто это реальная съемка. Она черно-белая.

Очень зернисто, как будто в 1860-х годах у них была возможность снимать видео. В любом случае, говорит Мэри Тодд, это платье меня полнит? Конечно, она немного полновата. Вот Честный Эйб.

Он не может ответить на вопрос. Она раздражается, потому что он не отвечает на вопрос, но он же Честный Эйб, в конце концов. Лучшее, что он может сделать, чтобы пощадить чувства своей жены, — это просто не отвечать на правильный ответ.

Конечно, правдивый ответ: да, вы выглядите пухленьким в этом, потому что вы и есть пухленький. Однако, когда дело доходит до этики добродетели, у нас нет алгоритма или способа определить, когда конкретная добродетель должна превзойти другую, и это также было бы определенным ограничением этики добродетели. Итак, как и все эти другие теории, этика добродетели сильна в определенных отношениях, но слаба в других, где мы видим, что ей нужна помощь, нужно некое дополнение из других моральных соображений и теорий.

Итак, это Добродетельная Этика.

Это доктор Джеймс С. Шпигель в своем учении о Христианской Этике. Это сессия 6 по Добродетельной Этике.